

ДАРЕНИЕ И ТРАТА

Что такое современный человек? Существует огромное количество способов и методов полагания и определения его в социолого-метафизическом смысле, почему-то все они оказываются в конечном итоге односторонними (следовало бы вообще поставить вопрос о том, возможно ли дать полное и корректное определение человеку). Мы предлагаем свою версию такого одностороннего определения человека – через расточительство, через трату (и их связь с дарением).

Обыкновенно расточительство полагается исключительно как негативное и осуждаемое действие. Однако было бы опрометчиво полагать, что его смысл этим и исчерпывается. Нет ли у соответствующего действия определенного позитивного начала? Это мы и попытаемся рассмотреть.

Примем за аксиому тезис о том, что мы живем в обществе потребления. Это весьма плодотворный тезис, понятие «общество потребления» настолько всеохватывающее, что на него можно сослаться при исследовании всех общественно-политических изменений XX в., можно ориентировать на него все социологические и философско-социологические работы этого времени (начиная от «Восстания масс» Х. Ортеги-и-Гассета и заканчивая «Обществом потребления» Ж. Бодрийера). Речь, конечно же, с этим никто не спорит, идет о человеке общественном, массовом, который имеет дело с обилием и переизбытком материальных благ, производящихся для него и посредством его спроса. Более того, он должен быть потребителем, должен принимать эти блага, чтобы обеспечивать их воспроизводство. Человеку, который является добросовестным членом такого общества, не избежать следующего противоречия: ему необходимо как поддерживать существование определенных благ, товаров, так и сопротивляться их влиянию, иначе он рискует быть съеденным товарами широкого потребления.

Решение этого противоречия здесь видится в трате [1], причем трата здесь не просто добровольный отказ от чего-то, не просто удовлетворение своих мимолетных потребностей в разрушении и т.п., а понятие метафизическое, основополагающее, обосновывающее существование самого потребителя. В работе Ж. Батая можно отметить непроизводительную трату в качестве действия не столько деструктивного, сколько определяющего. Определенные типы растрачивания себя и своих средств являют не столько негативное сопутствующее явление, своеобразную оборотную сторону массового человека, но и смыслополагающую линию поведения человека. Батай приводит в пример растрачивание человека на участие в спортивных состязаниях (пусть даже и в качестве того, кто делает ставки на скачках), растрачивание себя на искусство – театр, литературу и т.п. Однако можно ли определять человека, общество и отношения в этом обществе, детерминировать их через понятие, которое позитивным не является по своей природе? Думается, что можно, поскольку трата – не столько акт самоотречения от блага, действие, направленное против него, а, скорее, действие, которое служит демонстрацией некоего собственного положения, утверждаемого в обществе (и нуждающегося в подтверждении).

В качестве примера можно привести трату, связанную с дарением, с процессом, сопровождающим любые взаимоотношения между людьми. Причем проанализировать те отношения дарения, о которых мы можем попытаться достоверно судить – те, что существуют в нашем обществе «потребления», кажется плодотворным, рассматривая его в контрасте с традиционными обществами – там не так велик выбор, но он, в свою очередь, не обусловлен предложением на те или иные товары.

Дарящий заведомо, заранее обрекает себя на трату. Причем трата будет в двойном размере: сначала трата времени и средств (приобретение подарка, причем, отметьте, что конвейерного и неиндивидуального), и потом утрата самого подарка. Причем первая значительно более болезненная в эмоциональном плане, вторая же болезненна в личностном аспекте – здесь речь идет об утрате спокойствия и обретении обязательств. Эти обязательства не навязаны ему извне, он берет их добровольно. Это превосходство дарителя, принимаемое обеими сторонами, тем не менее, служит серьезным препятствием для равноправных отношений между ними. Сторона, которую одарили, всеми возможными способами старается избавиться от положения, в которое ее поставил даритель. В какой-то мере, он, пытаясь бессознательно наладить диалог, его уничтожает, теряет. Какой же диалог возможен между неравными людьми?

Положение одариваемого тоже связано с утратой – утратой статуса, утратой независимости, даже утратой свободы в некотором смысле. Утрата статуса не вызывает, в общем, затруднений –

человек, получивший подарок, должен быть готовым к тому, что он больше не является тем, чем он был раньше. В качестве примера можно взять традицию дарить подарки в честь определенных дат – свадьбы, дня рождения, инициации и т.п. В этом есть нечто мистическое и магическое, оставшееся нам чуть ли не от архаики – подарок является здесь подтверждением той перемены, которая произошла с человеком, подарок ее провоцирует в некоторой степени. Статус человека нельзя вернуть, потому что одно из замечательных свойств подарка – его невозможно устранить метафизически – он уже был сделан.

Что касается утраты независимости и свободы, то здесь все серьезнее и сложнее. Мы никогда не пытаемся дать четкое выражение тому, что с нами происходит, когда нам дарят подарок, это связано как с природой подарка, так и с нашей. Размышляя об утрате независимости, мы пытаемся говорить о том, что человек «чувствует себя обязанным», что ему «неуютно», и зачем, вообще, некто сделал подарок, зная, что ничего подобного мы позволить себе не можем? С этим во многих степени связаны обычаи потлача у североамериканских индейцев – даритель совершает акт дарения в разных ситуациях, преследуя разные цели: в одном случае даритель (например – вождь одной из соперничающих групп) знает, что у одариваемого есть возможность сделать ответный подарок, такой же, или еще более роскошный; в другом – знает, что такой возможности нет, и тем не менее совершает акт дарения для того, чтобы унижить соперника, или продемонстрировать собственное превосходство [2].

Независимость будет утрачена сразу же, как мы осознаем, что, по сути дела, теперь являемся собственностью дарителя. Он купил нас, он отдал нам за нас же выкуп (несмотря на содержание, поводы, мотивы – по форме выкуп всегда остается выкупом). Именно поэтому даритель заведомо сильнее одариваемого. И именно за это люди, получившие подарок, втайне (или не втайне) терпеть не могут того, кто когда-то что-либо им подарил. Разумеется, чем дороже или интимнее (во втором случае даже сильнее) был подарок, тем больше ненависти. Способы, которым одариваемый достигает независимости, различаются в различных обществах и зависят как от самого одариваемого, так и группы людей, с которой он себя соотносит. Это и традиция устраивать пиры в ответ на получение подарков, здесь же и традиция потлача (когда одариваемый делает заведомо более роскошное и мотовское подношение тому, кто нечто ему подарил), это и многочисленные сложные ритуалы (включая сюда и религиозные, и те, что опираются на суеверия и народную мудрость, здесь же и те, которые относятся к черной магии и т.д.).

Свобода в акте дарения утрачивается не сразу. Эта постепенность служит в некоторой степени «миной замедленного действия». До какого-то времени человек не осознает, что подарок, полученный им, предполагает совершение каких-то определенных, детерминированных действий от него самого. Сюда и относятся те обязательства, которые принимает на себя одариваемый. Начинается все с того, что на следующую памятную дату, бывший даритель ждет подарок. Плюс к этому подарок служит своеобразным соглашением – даритель делает подарок с тем условием, что когда-нибудь одариваемый совершит что-либо ему в угоду. Например, взяточничество. Хотя и в обыденной жизни это повсеместно. Причем даритель может об этом и не думать. Но свободу одариваемого он уже ограничил. Даритель всегда, везде и в любых ситуациях выше одариваемого, даже когда он дает взятку дорожному инспектору.

Хотя, разумеется, нельзя не признать, что одариваемый тоже обладает некоторыми привилегиями – он может остаться свободным (в отличие от дарителя, который добровольно и навсегда отказывается от положения). Он может проигнорировать подарок, и пусть он утратит свое имя и статус в глазах дарителя, он останется одиноким, и его совершенно не будут волновать условности, налагаемые обменом подарками и подобными ритуалами. Наверное, независимость и свобода стоят доброго имени.

Итак, у нас есть право в числе прочего определять человека именно в контексте его взаимоотношения с другими людьми через трату. Утрата статуса, независимости, утрата времени, потраченного на другого человека, утрата времени, средств и определенных материальных благ – все это является таким же легитимным способом позитивно определить человека и его положение в обществе, как например, коммуникативный акт [3], или интересубъективность [4].

Примечания

1. Батай Ж. Понятие траты // Проклятая доля. М., 2003. С.183-205.
2. Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996. С.134-155.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М., 1991.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998.